

О ФИЛОСОФСКИХ «ЛЕСАХ» ДИДАКТИЧЕСКИХ ПОСТРОЕК

А.Г. Кислов

Формулируя проблему, В.Э. Штейнберг и Н.Н. Манько в своей публикации «Константы бытия и инварианты образования» [1] задаются вопросом о множественности педагогических технологий «при том, что люди во многом и психологически, и физиологически одинаковы» [1, 148]. Заголовок обсуждаемой публикации настраивает на обращение внимания читателя к неким стабильным (вечным?) и вполне определенным основам, с чем неожиданно и сразу контрастирует оброненное авторами в вышеприведенной цитате «во многом». Так, еще милновский Кролик на ответ Винни-Пуха «Я!» справедливо заметил: «Что значит Я? Я бывают разные!» Тем более разными бывают «во многом одинаковые» многие... И где, в конце концов, границы / пределы того «во многом», которыми многие о-грани-чиваются, о-предел-яются, оказываются одинаковыми, то есть – (!!!) чем-то качественно немногим (малым)?

Однако свое наблюдение многия одинакости людей В.Э. Штейнберг и Н.Н. Манько находят нужным подкрепить еще и поиском если не констант, то хотя бы инвариантов, и если не бытия, то хотя бы образования.

Наблюдая психологическую и физиологическую одинаковость людей, В.Э. Штейнберг и Н.Н. Манько почему-то проходят мимо многообразия социального, в том числе культурного, хотя оно весомо и нередко решающим образом сказывается на характере, качестве, а потому и количестве педагогических технологий. И почему-то «в области социокультурных и антропокультурных оснований процессов образования и обучения» [1, 148–149] они

инициируют поиск непременно инвариантов, к тому же напрямую привязывая их к проблематичным «константам бытия» – концепту весьма архаичному и только поэтому уважаемому, поскольку и не верифицируемому, и не фальсифицируемому (по К. Попперу); не случайно наши авторы говорят о них «так называемые» [1, 149] и выделяют «среди различных» всего лишь, опять и опять широко небезызвестные «истину», «добро» и «красоту».

Заметим, что эти, как и все прочие так называемые константы бытия – результат простой, а потому повсеместной мыслительной операции – онтологизации (приписывания онтологического значения). В данном случае – концептам сугубо аксиологическим, то есть имеющим отношение к ценностям и оценкам. А уж они-то настолько неинвариантны, настолько задаются вечно зыбкими и всегда очень конкретно-историческими (то есть ситуативными) социокультурными контекстами, что поиск инвариантов в них напоминает исчисление вечно-божественного в бесконечно-небожественном – причем в силу аксиоматического предварения его неперменного присутствия в бесконечном... Но это же, простите, логический круг, вопрос веры, а не дискуссии...

Зато вера дает право нашим авторам на установление прямой (прямолинейной) корреляции науки с истиной – и только с нею, что изгоняет из науки и красоту, и добро (на самом деле тоже весьма значимые для науки ценностные ориентиры). Разве учёный – бесстрастный калькулятор, а в процессе познавательно-исследовательской деятельности он эмоционально-эстетически не переживает?! И разве этико-праксиологическая оценочная деятельность не происходит явно или подспудно во время исследования?!

Следуя своей философской вере, В.Э. Штейнберг и Н.Н. Манько искусству приписывают заботу лишь о красоте. Но разве произведение искусства – это одновремен-

но и не акт, и не результат (особого, но) познания?! А процесс создания произведения разве не наполнен познавательно-исследовательской деятельностью?! А процесс общения с произведением?!

И разве морализирование – вне познания, вне эмоций и эстетических реакций моралиста? и того, кто ему внимает?

Столько недоумений оставляет начало публикации В.Э. Штейнберга и Н.Н. Манько.

Но еще большее недоумение вызывает то обстоятельство, что всё сказанное ими на первых страницах совершенного ничего не предопределяет в последующих рассуждениях – полезных, ценных, подкрепленных многократным практически применением!

Тогда зачем этот парафилософский, наполненный неточностями и верованиями экскурс в разумное, доброе, а главное – вечное? Может быть, это всего лишь мнемонический прием? Чтобы так «упаковать» дидактическую информацию («инвариантную «клетку» технологий обучения» [1, 154]), что потом ее уже никак не забыть? Может быть, «константы бытия» – условные оси координат, декомпозированные в плоскостную картину, удобную в использовании, но (простительно) неточную в своих основаниях? Позволим себе именно это и предположить: вокруг удобных, полезных, ценных дидактических построек возведены философские «леса», укрепляющие эту пока еще нуждающуюся в укреплении постройку. Но «леса» рано или поздно придется отбросить: сделав свое дело, они станут мешать, уводить от сути, как это представлено, например, в другой публикации тех же авторов [2].

Пока же авторы вынесли «леса» даже в заголовок. Потому что пока они находятся на стадии подпитки эвристическими токами этих «лесов». Пока они открыто приглашают к дискуссии, проверяя постройку на прочность. Попутно проверяя на прочность и «леса». Но постройка

уже прочнее «лесов». **«Пожелаем ей счастливой судьбы! (судьба – тоже, кстати, весьма архаичный концепт, но вполне успешно продолжающий способствовать и современному научному мышлению)».**

1. *Штейнберг, В.Э., Манько, Н.Н.* О константах бытия и инвариантах образования (в порядке дискуссии) // Педагогический журнал Башкортостана. – 2017. – № 4. – С. 148–160. DOI: 10.21510/1817-3292-2017-4-145-157.

2. *Штейнберг, В.Э., Манько, Н.Н.* Визуальные дидактические регулятивы логико-смыслового типа // Образование и наука. – 2017. – № 9. – С. 9–31. DOI:10.17853/1994-5639-2017-9-9-31.